

СОВРЕМЕННЫЙ НЕМЕЦКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ЯСМИН ШРАЙБЕК

МАРИАНСКАЯ ВПАДИНА

РОМАН

«Дом на колесах, девушка, старик, собака и урна
с прахом по дороге в Альпы — идеальный расклад
для роуд-стори»

Deutschlandfunk Nova

Ясмин Шрайбер
Марианская впадина
Серия «Современный
немецкий бестселлер»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67303115

Марианская впадина: Лайвбук; М.; 2022

ISBN 978-5-907428-29-4

Аннотация

Может ли молодая женщина ни с того ни с сего отправиться в путешествие в Альпы со странным стариком, урной с прахом его подруги, собакой и курицей? Да, только если она не в себе после потери младшего брата, которого любила больше всего на свете, и даже терапевт не знает, что делать с ее глубочайшими – размером с Марианскую впадину – депрессией и чувством вины. Но все-таки книга Ясмин Шрайбер не о смерти, а о том, что однажды два одиноких, переживших потери человека начинают понимать друг друга, и в безграничном море горя вспыхивает смех и возникают надежда и радость. Грустный, забавный, трогательный, искренний роман.

Содержание

11000	6
10430	10
9950	20
9720	48
9400	55
9160	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ясмин Шрайбер

Марианская впадина

*я умею летать.
я вижу в темноте.
я бессмертна.*

Янина Иличева

© 2020 by Bastei Lübbe AG, Köln © Jasmin Schreiber, фото
© Марина Шабаева, перевод на русский язык, 2021
© Livebook Publishing House LLC, оформление, 2022

* * *

– Как глубоко надо нырнуть, чтобы найти светящегося, еще никем не открытого рыботима? – спросил ты меня незадолго до своей смерти.

– Не знаю, но в морских глубинах еще столько всего неоткрытого. И потенциальных рыботимов там явно тоже предостаточно плавают.

– А ты смогла бы нырять и нырять, все глубже, пока не откроешь новый вид рыбы?

– Хм. Ну, для этого мне понадобится команда и подводный робот. Но теоретически это возможно, да, могу.

– А назовешь его тогда рыботимом?

– *И это можно.*

– *А если краба нового откроешь?*

– *Тогда тимокрабом назову, конечно. Однозначно.*

– *Обещаешь?*

– *Слово даю!*

11000

Из морских обитателей твоим самым-самым-самым любимым был бочкоглаз («самый» у тебя всегда повторялось не меньше трех раз, если это было что-то исключительно важное). Голова этой рыбы абсолютно прозрачная, поэтому, сидя в батискафе, можно направить на нее луч фонаря и смотреть, как там у нее мозг работает. И вообще, глубоководные рыбы – это было твое, на все сто. Многие из этих живых существ имеют светящийся орган, излучающий свет за счет биолюминесценции бактерий. Сияющие щупальца, мерцающие плавники, вульгарно выставленное удилице со светящейся приманкой, а зубы наоборот: скрытые в темноте. Когда думаешь об океанских глубинах, сразу крошечная тьма представляется, но на самом деле это не так. Миллионы живых существ как маленькие лампочки передвигаются в воде – отдельными звездочками или целыми группами, образуя светящиеся галактики. Этот параллельный мир для тебя был *бомбическим*.

Иногда я просто сижу и думаю обо всем этом, ну а по сути – о тебе. Говоря «иногда», вообще-то я имею в виду «часто», а «часто» в действительности, значит – «непрерывно».

У меня перед глазами опять твои мягкие, как пушок цыпленка, волосы. Я помню, как ты поймал свою первую рыбу, а потом долго плакал, когда она умерла (потому и улов этот

был твой последний). Я вспоминаю, как мы вместе сидели, склонившись над книгами по биологии, и придумывали животным новые, как тебе казалось, более подходящие имена. Акула превращалась в зубастика (из-за нескольких рядов ее зубов), скат становился плавающим блюдцем, верблюды – двугорбиком, а дромедар – одногорбиком, чтобы их легче было различать и не было больше всей этой путаницы. Когда я начинаю думать обо всем этом, сердце сбивается и замирает, кровь оседает в ноги, а в ушах такой шум, будто туда стеклись все воды мира. Через какое-то время вновь наступает отлив, шум в ушах стихает, синусовый узел пробуждается из летаргии и сердце начинает сокращаться ритмичнее. Потом я еще иногда ложусь на пол – как мы с тобой раньше – чтобы еще чуть-чуть подумать о тебе, чтобы еще сильнее вонзить нож внутрь себя. Вот как бы ты сейчас выглядел? Оставались бы бочкоглазы твоими любимцами по сей день или нет? И как бы ты отреагировал, узнав, что из трех недавно открытых глубоководных рыб опять ни одну не назвали рыботимом. Рассердилась бы, что я не позаботилась о том, чтобы одну из них назвали рыботимом? Может, ты сейчас уже влюбился бы – в какую-нибудь девочку или в мальчика. Какими сейчас были бы твои волосы: все такими же мягкими, как пушок цыпленка? Какой была бы сейчас твоя ладонь, если бы я, как часто раньше, держала ее в своей – руке старшей сестры? Всего этого я уже никогда не узнаю. Вопросы, не имеющие смысла, но никак не отпускающие меня. Мысли не поддают-

ся контролю, как и любовь, рождающая их. А сейчас я люблю тебя, находясь в пространстве меж мирами прошедшего времени и сослагательного наклонения, в реальности, которая была жизнью до твоей смерти и стала лишь состоянием после нее.

Мы были так близки друг другу, как больше никому. Вообще, странно, ведь я была намного старше тебя и, собственно, твоей полной противоположностью. Я никогда не была активной и энергичной, даже в раннем детстве, мне совсем никуда не хотелось, физически не хотелось. Разве что мысленно, при помощи фантазии и литературы сбежать в далекий мир; быть сильной и смелой, такой, какой в действительности я не была. Книга в руках бывает спасательной шлюпкой. Когда море жизни слишком волнуется, ты хватаешься за истории в книгах, и они спасают тебя, унося от опасности.

Больше всего мне нравились истории о Гарри Поттере – о том, как маленький волшебник жил у своих ужасных родственников в чулане под лестницей, пока не попал в школу волшебников, вырвавшись из лап этой жуткой семейки. У меня в детстве хоть и была своя комната, с кроватью, столом и всем необходимым, но я как будто тоже все время жила в шкафу под лестницей – только внутри себя самой.

Ты – я уже говорила – был совсем другим. Если я в десять лет была неспортивной, больше сидела дома с книжкой и сторонилась людей, ты в том же возрасте шумел и носился как оголтелый по улицам, и был подтянутым и ловким,

как волчонок. Тебе все время куда-то было надо, куда-то тебя тянуло – прочь из дома, на улицу – ты постоянно что-то придумывал, никогда не стоял на месте, всегда в движении. Ты был колдуном и путешественником, укротителем зверей и водолазом, был ястребом, хотел летать и плавать, нырять и бегать – хотел, пока все не закончилось. Тим, Рыботим. Тим, который так любил море, а потом утонул в нем два года назад.

Ты знал, что Марианская впадина – это самое глубокое место мирового океана? Ладно. Глупый вопрос. Конечно, знал. На одиннадцать тысяч метров врезается этот желоб в кору земли. Если бросить туда гору Джомолунгму, она утонет без следа. Тогда ты не особо много понимал из того, что я тебе рассказывала. Для тебя это было просто *бомбически*, как ты называл все невероятное: *бомбически* или *бомбезно*.

Эти одиннадцать тысяч метров и мне казались слишком абстрактными. И только когда я сама там оказалась – глубоко-глубоко в темноте, где совсем нет света, нет цветов, почти нет кислорода – эти одиннадцать тысяч метров, все эти цифры стали для меня реальными величинами. Одиннадцать тысяч метров под водой равны метру девяносто под землей – глубине твоей могилы.

10430

А помнишь, когда умер Ронни, и ты два дня так переживал, что тебе даже твое любимое мороженое казалось невкусным? Когда мне пришлось идти с тобой к детскому врачу, потому что ты был уверен, что это странное ощущение в животе – проявление какой-то страшной болезни (хотя это была всего лишь тоска по нашей собаке)? Через два дня ты снова нормально ел, через неделю тебе стало лучше, а через месяц после того, как Ронни похоронили, ты о нем уже редко вспоминал.

Со мной было так же, когда тебя вдруг не стало, только сильнее. Я вообще есть не могла, не ходила в универ. То чувство, какое тогда было у тебя в животе, я ощущала в руках, ногах, в мочках ушей и кончике носа, и даже в аппендиксе. Знаю-знаю, что ты сейчас думаешь, аппендикс можно и удалить, как тебе удалили в семь лет. Но кончик носа-то мне еще нужен, и руки нужны, поэтому удалять аппендикс сильно не помогло бы. Чувство было такое ужасное, что я не могла встать, пойти в душ, вообще ничего не могла. А однажды все это как-то опрокинулось и ушло, но на место этого чувства другое не пришло. Вместо этого там осталась только пустота.

Помнишь, когда я читала тебе «Бесконечную историю» и мы дошли до места, в котором *Ничто* начинает все погло-

щать?

– А как оно выглядит, это Ничто? – спросил ты.

– Ну, в общем, Ничто – оно не выглядит. Иначе оно было бы чем-то.

– А как что-то может не быть?

– Хм, – только и сказала я тогда. Это был и правда сложный вопрос. Ты всегда задавал сложные вопросы, наверное, потому что ты был очень умным, и, наверное, гораздо умнее, чем я в твоём возрасте.

– Может, вот так: здесь, около меня нет стула... – раздумывала я вслух. Никакого стула около меня как раз не стояло.

– Хм... – задумался ты тогда.

Разгадки мы никакой не нашли. И это как раз хорошо перекладывает ситуацию, в которой я оказалась тогда, после твоей смерти: у меня не было разгадки. Внутри меня разрасталось Ничто – без чувства, без внешности, запаха, звука, без вкуса. Я была костюмом человека, в котором находилось Ничто. Депрессия это, как обычно называют. Необходимо лечение. Поэтому я пошла к врачу в надежде, что она сможет поместить в меня что-нибудь. Я пошла к психиатру.

И вот в один прекрасный день я сидела в приемной на жестком деревянном стуле рядом с подставкой для зонтиков, в которой их очень много стояло, хотя кроме меня в комнате было только два человека, уже немолодых, а на улице да-

же и дождя-то не было. Мужчина и женщина были вместе. Я думаю, обоим было далеко за восемьдесят или даже девяносто. Они выглядели маленькими и хрупкими, как эльфы. Они были даже старше наших бабушки с дедушкой. Да уж, а это – совсем не молодые. Мне кажется, они были примерно, как бабуля «Тик-так», перед тем как она умерла. Ты ее так называл, потому что долго думал: правильно не ПРАбабушка, а ПОР'Абабушка: значит, на часы все время смотрит, торопится.

Я стала рассматривать старичков «Тик-так» внимательнее. Старушка то и дело как-то назад заваливалась, а муж ее все время поправлял. Она тогда и сама немного выпрямлялась и сидела так, как оно само собой зафиксировалось, пока не начинала опять съезжать назад на своем стуле. Кожа у нее на руках была такой тоненькой, что я с расстояния примерно трех метров могла видеть ее сосудики и капилляры. Она была как будто хрупким птенчиком из прозрачной бумаги. Мужчина положил ей на колени журнал, пытаясь вести себя так, как будто все в порядке, но она ничего не замечала. Он поднял ее руку, положил газету, на газету руку, даже страничку между пальцами как будто закрепил. Это выглядело печально и чудно. Женщина молчала и смотрела сквозь своего заботливого спутника – спутника, на лице которого читались страх и отчаяние. Он тихо с ней разговаривал, шепотом произносил ободряющие слова, пытался ее оживить, чем-то заинтересовать («Посмотри-ка, это Хелена Фишер!»), но ре-

акции так и не последовало. Мне казалось, что женщина даже и не понимала, где находится и что с ней в данный момент происходит. Ее взгляд оставался пустым, проходя через этот мир, скользя мимо нас, в направлении галактики, доступа к которой мы не имели.

Может быть, ты тоже сейчас там и путешествуешь на каком-нибудь астероиде? А может, ты сейчас плаваешь в бесконечно огромном океане и ныряешь вместе с плавающими блюдами и рыбами-зубастиками в поисках рыботима? Кто знает...

Потом меня вызвали, выдернув меня из моих мыслей, возвращая назад в клинику. Осмотрев меня, врач заявила, что моя реакция на горе стала приобретать черты патологии. Патология – это когда начинается болезнь. Другими словами: я немножко неправильно горевала, нехорошо для здоровья. Так я это, во всяком случае, тогда сформулировала, хотя сейчас это звучит сильно упрощенно. Но ты же ведь не психиатр, а океанолог и путешественник, поэтому я все так и оставлю. Для меня это тогда значило примерно как: слишком горевала. И я тогда подумала: «То есть? Это в каком таком смысле?» По-моему, я как раз недостаточно сильно горевала, потому что сердце мое билось, хотя я-то думала, что умру без тебя. Seriously. Обычно мозг включает определенные механизмы, чтобы справиться с горем. Поэтому ты через некоторое время после того, как Ронни не стало, снова пришел в себя. А я вот как-то застряла. Поэтому врач про-

писала мне лекарства и заполнила формуляр медицинской страховки, по которому я могла сама подыскать себе место лечения.

Лечение, в итоге, было так себе. Первые часы терапии я сидела напротив доктора, а он спрашивал меня, помогают ли лекарства, а потом пятьдесят минут сидел и молчал, надеясь, что я буду сама что-то вытаскивать из своих недр. Но из меня нечего было вытаскивать. Я сидела на дне Марианской впадины с ковшичком в руке и должна была вычерпывать им всю воду и всю боль изнутри, чтобы мне стало лучше. Я должна была вынуть все наружу, разложить и выставить напоказ. Но так не получалось. Я сидела на глубине одиннадцать тысяч метров, и давление было такое высокое, что снаружи все снова стекало назад, внутрь меня, когда я хоть чуть-чуть пыталась вычерпать. Там было столько черной воды, страха и темноты, и ни лучика света, ни единого. Большую часть времени я молчала, иногда начинала что-то мямлить, уходила от темы, рассказывала о днях, проведенных в постели, без каких-либо событий. Я рассказывала врачу о глубоководных зонах. «А вы знали, что там внизу, на дне Марианской впадины, на каждый квадратный сантиметр давит больше тонны веса?» – «Нет» – «Вот видите!» Я философствовала о влиянии микроскопической пыли на изменение климата. Я ему даже рассказала, какие у меня любимые макароны, потому что я уже правда не знала, что говорить. Страховка допускала семьдесят пять часов терапии, столько

сортов макарон я не знала. Но о тебе я не проронила ни слова.

Боль, это ведь такая штука: она сперва набирает силу, независимо от того, что ее вызвало. Боль нарастает, пока не достигнет ста процентов. И тогда надо просто как-то выжить, неважно, в чем причина. Собака умерла. Друг ли бросил. Отец не объявляется. Брат умер. Конечно, от причины зависит, насколько глубоко боль вонзается в тебя, как долго сидит внутри и что там разрушает. Некоторые вещи больнее других. Но если тебя кто-то ударил по почкам, в первый момент тебе не важно, почему он это сделал. Ты просто, скрючившись, лежишь на земле и пытаешься как-то дышать. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Единственное, что мне тогда более или менее удалось: не задохнуться.

Однажды врач меня спросил, навещаю ли я твою могилу. Это было на седьмом или восьмом из этих бесконечных прописанных мне сеансов. Я поняла, он начинает затягивать петлю: мои рассуждения о спагетти с итальянским соусом больше не пройдут, тем более что я ничего и не ела практически.

– Нет. Я после похорон на кладбище не ходила, – ответила я. Ну вот так. Не могла я.

– А почему? – спросил он снова.

Я молчала. Не знаю, не хотела я как-то принимать то, что это, так сказать, твой новый адрес. То, что ты теперь под землей лежишь, а не в детской комнате, которая когда-то была и

моей. Тим, Рыботим. Пойман почти в двух метрах под землей – совсем не твоя стихия. Мысль об этом разрывала мне сердце. Мама с папой ходили туда регулярно, и я заверяла, что тоже регулярно навещаю тебя, хотя и училась на расстоянии двухсот километров отсюда. Это все неправда, конечно, что навещала.

– Я себя там не особенно хорошо чувствую, – сказала я через некоторое время.

Врач молчал, и я добавила: «Я не чувствую его там, кроме того, там так много других людей – бродят, смотрят, как ты стоишь у могилы. Мне не нравится».

– А для вас это нормально? Ну, то, что вы на кладбище не ходите?

– Не знаю.

Опять молчание. Вообще-то, мне бы хотелось к тебе сходить, но я как представляю, что в этот момент еще кто-то на кладбище придет, мне уже как-то тесновато становится. Близость и дистанция – сложная тема для меня. Я представила себе: человек, может быть, стоял бы на расстоянии двухсот метров, занятый сам собой, а у меня было бы ощущение, что я чуть ли не на коленях у него сижу, а мне-то только с тобой побыть хочется.

– Вы можете попробовать пойти туда в такое время, когда там никого нет.

– Когда, например?

– Вечером, к примеру.

– Вечером там тоже много народу. Приходят те, кто днем работает.

– Ну, значит, как-нибудь, когда совсем никого нет.

– Это ночью тогда.

– Хм, – услышала я в ответ.

– Вы хотите, чтобы я пробралась на кладбище ночью?

– Глупости. Вы меня совершенно неверно поняли, – ответил он, но по его взгляду можно было прочесть: «Да-да, именно это я и имею в виду, уважаемая, я только вслух этого не говорю. Не хватало только, чтобы вас судили за нарушение покоя усопших, а меня привлекли за подстрекательство».

– Совершенно идиотская мысль, – сказала я решительно, подумав при этом: «*А что, это мысль!*»

Ты бы нашел эту мысль *бомбической*. Однозначно.

Чем займется всякий нормальный человек, собираясь проникнуть на кладбище, первым делом? – будет гуглить. Так я и поступила. Поисковик тут же наполнился фразами типа: кладбище, вторжение, последствия; залезть на кладбище; что случится, если поймают; взлом, инструменты и т. д.

Наше кладбище не в деревне, в конце концов, находилось. Мама с папой жили, как и я, в большом городе. Там несколько кладбищ – твое закрывалось в семь вечера. Тот, кто после закрытия находился на территории, в любом случае нарушал порядок. По крайней мере, так в интернете писали.

Другая проблема: я – не спортивная, что для тебя, конеч-

но, не новость. Мне пришлось бы залезать на стену высотой метр восемьдесят. Суперплана – как это, черт подери, сделать – у меня не было. Может, со стремянкой? Даже и так, все равно придется подтягиваться, поднимая на стену восемьдесят килограммов и сто шестьдесят три сантиметра моего тела. Я подумала, может, мне потренироваться специально для этого: в статусе лузера полгода каждый день ходить в качалку на подтягивания? Намерение без реальных шансов на успех – это я была вынуждена признать сразу. От депрессии – каждый день заниматься спортом, правильно питаться, ходить в университет и жить нормальной жизнью: хоп, и проблема решена? Конечно нет! Если бы все было так просто. Сначала надо было днем туда поехать и посмотреть, что и как. Это ясно. Мысль о том, что мне надо ехать на кладбище в часы, когда оно открыто, тревожила. Но я твердо решила не думать о том, что ты там лежишь, в земле зарытый. Я подумала: просто поеду, посмотрю на стену и больше ничего. И мне без разницы, сколько там людей на кладбище будет и сколько их там уже под землей. Речь шла о стене. Только о стене.

И все-таки я решила до этого раз-другой пойти побегать. Мне надо было выяснить, насколько я в форме (или, скорее, насколько я не в форме). Как далеко и как быстро я смогу убежать, если на кладбище кто-то застанет меня врасплох. Или еще что-то... Это днем ты смелая и имеешь на все научный взгляд и все такое, а ночью на кладбище будешь себя спрашивать: а привидений и зомби точно не бывает? Ну или

что-то в этом роде. Зомби для тебя было тоже нечто из серии «бомбического».

Что я сделала дальше: я перевернула всю свою квартиру (с двумя комнатами моей малюсенькой квартирки это не сложно), чтобы найти свои фитнес-часы. Было дело, я надевала их каждый день, когда хотела похудеть, занялась спортом и другими полезными для здоровья вещами, как это бывает у взрослых. Часы, когда они на запястье, посылают всевозможные данные на телефон: мой пульс, например, который каждую минуту измеряется и отражается на графике.

У меня на холодильнике тогда висела распечатка такой диаграммы от 23.09.2016 и показывала, как сердце ускори-лось с 74 до 156 ударов в минуту, потом частота сердцебиения медленно поднялась еще до 172, стабилизировалась и не падала еще несколько минут. Это было, когда мама позвонила мне из вашей поездки на Майорку – я еще трубку взяла только после второго звонка, а она все молчала. И я ответила раздраженно: «Мама, ну, говори! Я в магазине». Я думала: это опять из серии ее пресловутых «звонков из кармана брюк», набранных случайно. А потом она сказала: «Тима больше нет».

У меня на холодильнике до сих пор висит диаграмма, на которой видно, как разбивается человеческое сердце.

Я была готова. Теплой летней ночью, в 1:46, я стояла у стены кладбища, на том месте, которое выбрала неделю назад. Место было идеальное: его прикрывал куст орешника, со стороны улицы меня никто не увидел бы, и я могла спокойно поставить к стене свою стремянку, которую притащила с собой. Я еще раз огляделась – все чисто – и поднялась на пять ступенек, откуда довольно легко могла бы перелезть через стену. Забравшись на стену, я повернулась и потянула веревку, специально привязанную к ручке лестницы. Стремянка ударялась и скребла о стену, в ночной тишине это казалось мне громом. Я затаила дыхание, прислушалась, нет ли шума или каких-нибудь голосов. Все было тихо. Я затащила стремянку вверх и опустила ее по ту сторону стены, чтобы можно было спокойно спуститься вниз и не пораниться. Я сложила стремянку и повесила ее на веревке через плечо.

Огляделась, и сердце у меня ушло в пятки. Да, ночью на кладбище жутко именно так, как себе это обычно представляют. Могу поспорить, ты был бы в восторге. Я специально подгадала под лунную ночь, чтобы все было видно и не пришлось включать фонарик. Сейчас я пожалела об этом; по мне, так видно было даже слишком хорошо. Я посмотрела на тропинку: ее обрамляли высокие черные ели, на гравий падали причудливые тени. Прямо передо мной находился ис-

точник, на страже которого стоял каменный ангел без головы, ростом с человека. Чего можно было ждать дальше? Воя волков? Лязганья цепей? Все внутри меня кричало: «*Паула, беги отсюда!*» Но я взяла себя в руки и посмотрела в смартфон, где нахожусь. Там на карте я отметила твою могилу, чтобы можно было увидеть маршрут, как пройти. Сто семьдесят шесть метров.

Я пошла вперед, руки у меня дрожали, сердце готово было выпрыгнуть из груди. Любой незначительный шорох повергал меня в ужас, а когда рядом со мной неожиданно вспорхнула птица, я чуть не разревелась. Думать рационально и логически рассуждать днем – это просто. Ночью на кладбище тебе вдруг снова семь лет, и в голову приходят истории типа «Кладбища домашних животных» или «Оно», и монстры в голове начинают представлять совершенно реальную опасность.

Через несколько метров узкая тропинка повернула направо и вывела на главную дорогу, которая была значительно шире, по краям стояли высокие липы. Здесь было порадостнее и посветлее. Памятники с обезображенными ангелами виднелись поодаль от дороги. Повернуть направо, потом налево, и я на месте – так показывала карта. Я прошла мимо мавзолея, о котором смутно помнила еще с твоих похорон. Там мама останавливалась, чтобы присесть на ступеньку, когда мы возвращались с могилы, у нее подкашивались ноги. «Все нормально. Все нормально», – повторяла она, хотя все

видели, что ничего не нормально. Как могло быть все нормально, когда мы только что положили тебя в землю?

Я отбросила все мысли, чтобы сконцентрироваться на своей миссии, и пошла дальше, пока вдруг не оказалась перед твоей могилой. Неожиданно. Бамс! – и я вдруг стою там и смотрю на квадратную темно-серую плиту, на которой мы выгравировали огромного бочкоглаза. Мне тогда пришлось даже ругаться с папой: ему это казалось *глупо и не к месту*. Это оттого, что он-то не путешественник и не исследователь морей, каким был ты. Ну а что тут поделаешь, они всего лишь родители, да ведь? На твоей надгробной плите написано:

*Тим: путешественник, исследователь морских
глубин, лучший в мире пловец, брат и сын.*

А внизу: дата твоего рождения и дата твоей смерти. И больше ничего.

Я положила стремянку на землю и села на траву около твоей могилы, скрестив ноги. Что делать дальше, я не знала. В кино люди часто разговаривают с могилами, но у меня для этого маловато веры в спиритизм. Я перечитывала надпись снова и снова, хотя знала ее наизусть, потому что это я ее тогда и сформулировала. Надеюсь, тебе понравилось, как я придумала. Я считаю, надо просто и без прикрас говорить все так, как есть. Через некоторое время я заметила, что, видимо, бессознательно начала рвать руками траву вокруг могилы, и тут же остановилась. Ты бы меня пристыдил: «А как

же муравьи?» – сказал бы ты. Или: «Ты живых существ убиваешь!»

Я теребила рукой правый рукав футболки, ковыряла пальцем дыру на коленке джинсов, пытаюсь конвертировать таким образом напряжение в кинетическую энергию, не в состоянии сидеть просто так.

«Привет», – тихо сказала я потом.

Молчание в ответ оглушило, как пощечиной. Обычно ты ответил бы: «Привет-медвед!» Но сейчас это было невозможно – ведь ты лежал на глубине метр девяносто под землей, и тебя уже начинали пожирать беспозвоночные членистоногие. Потому что все закончилось. Потому что твой голос ушел из этого мира, забрав с собой все слова. Потому что все равно это уже было только твое тело, но не ты сам. Тот самый Ты – сформированный нейронными соединениями в головном мозге и оставшийся мне таким близким по сей день.

Мне было так паршиво.

Я злилась на своего терапевта, спрашивая себя, какой именно эффект все это должно было вызвать, кроме того, что мне стало еще хуже. Я не могла остановиться и все представляла себе, как твое тело грызут жуки и червяки, как твои глазные яблоки вытекают из глазниц, разжижаясь. Каким серым, наверное, стал язык, а живот уперся в крышку гроба, вздувшись от гниющих внутри органов. В моей голове раскручивался фильм ужасов, и я была не в состоянии остано-

вить его. Одновременно мне почти хотелось смеяться, потому что я думала о том, что ты был бы в восторге. У меня в голове все перемешалось.

И вдруг в этот момент я услышала голос. Сначала я подумала, мне показалось: наверное, просто ветер или голоса доносились с трассы. Но слишком уж далеко в глубине кладбища я находилась.

«Черт подери!» – ругался кто-то.

Я затаила дыхание. *Fuck!* А когда, собственно, начинают работать кладбищенские садовники? Я немного приподнялась, пытаюсь хоть что-то увидеть поверх множества надгробий, закрывавших мне обзор. Ужасающе близко от меня, всего в нескольких метрах, мигал луч света и копошился какой-то человек. Черт, это что, могильщик? Кажется, в руках у него была лопата. А что, могилы сегодня не экскаваторами роют? Я по-пластунски медленно подползла, спряталась, присев на корточки за одним из надгробий, и стала наблюдать. Склонившаяся фигура – однозначно – держала в руках лопату, ковыряясь в земле. Но на профессиональную работу садовника это не было похоже. Скорее, как-то хаотично и уж точно нелегально. Я ползком вернулась назад к твоей могиле и решила уходить. Когда я подняла стремянку, она загремела, и я еще раз обернулась в сторону той фигуры. Фигура замерла.

«Кто здесь?» – произнес хриплый голос.

Я не ответила, пытаюсь только уместить веревку стремян-

ки на плече и быстрее бежать оттуда. Но оттого, что я так суетилась, я тут же споткнулась о невысокий надгробный камень сбоку от меня и растянулась во всю длину под грохот падающей лестницы. Твоя сестра опять блеснула элегантно-стью и изыском, это выглядело просто волшебным.

«Черт возьми», – на этот раз чертыхнулась я и схватилась за сильно ушибленную голень. Теперь мерцающий луч света приближался ко мне, и я увидела, что фигурой был мужчина, а свет исходил от маленького старинного керосинового фонаря «летучая мышь», о чем ты непременно сказал бы: «Как-то по-пиратски». Я в панике стала карабкаться назад: откуда я знаю, может быть, это какой-нибудь сумасшедший убийца, который здесь как раз зарывал труп? Но когда я увидела этого человека перед собой, мне стало ясно, что он по крайней мере не особо опасен.

Это был пожилой мужчина, в его тонких седых прядях играл легкий летний ветерок. Он был немного похож на нашего дедулю «Тик-так» на старых фотографиях или на голубинового птенчика: у них на головке тоже вот такой спутанный пушок бывает. На мужчине были темные старомодные брюки, а поверх – рубашка в клеточку с короткими рукавами, цвет которой я не могла разобрать в желтоватом свете фонаря. Выше воротника на меня тарасилось испуганное лицо, недоверчивое и одновременно рассерженное. Столько чувств на каких-то нескольких сантиметрах морщинистой кожи! Я подумала о своей собственной пустоте, завидуя такой полноте

эмоций.

– Что вы делаете в такое время здесь на кладбище? – проворчал старик в мою сторону.

– Я к своему брату пришла.

– Сейчас? Почему вы не приходите на могилу днем, как все нормальные люди?

Между тем я уже присела и рассматривала в свете фонаря, насколько сильно я поранила ногу, то и дело поглядывая на мужчину с лопатой. На всякий случай.

– Здравсьте приехали! Это что, я посреди ночи на кладбище в земле копаюсь? – парировала я. – Это *вы* что тут делаете?

– А вот это вас вообще не касается, – пробурчал мужчина.

– Труп, что ли, тут закапываете?

– Вы с ума сошли. Я что, похож на преступника?

– Не знаю. Но и на не-преступника вы не тянете: с лопатой, фонарем и всем этим ковырянием в земле, – не уступала я.

Я поднялась и отряхнула одежду. Теперь мы стояли и рассматривали друг друга: два кладбищенских взломщика, застукавших друг друга на месте преступления. Вся эта ситуация напомнила мне один из твоих любимых анекдотов, который начинался словами «встречаются два охотника в лесу». И мне стало смешно, как бы абсурдно это сейчас ни звучало.

– Теперь вы смеетесь. Может, вы все-таки сумасшедшая? Вы что, сатанистка или вроде того и исполняете здесь ка-

кие-то ритуалы? – поинтересовался старик, рассматривая меня, слегка прищурившись.

– Я уже сказала, что я к брату пришла. Он здесь похоронен, – сказала я, показывая на могилу позади меня.

Мужчина не сводил с меня глаз.

– А что вы здесь делаете, вы мне все еще не сказали, – повторила я свою попытку. Мне тоже стало любопытно узнать, что мог раскапывать пожилой мужчина, лет так восьмидесяти, ночью на кладбище? Себя закапывать он точно не собирался, для этого он выглядел несколько здоровее, чем требовалось.

– Я за подругой пришел.

Та-ак, ну это было уже слишком. Я пыталась сдержать смех, но у меня не очень получилось. В итоге все закончилось звуком, похожим на то, как из проколотой автошины выходит, шипя и булькая, воздух.

– Вам это кажется забавным? – обиделся он.

– Ну, вообще, да. Полагаю, ваша подруга умерла? Вы хотите украсть труп?

– Что за глупости. Мне надо только урну выкопать. Я ей кое-что пообещал. У вашего поколения сейчас, может быть, все по-другому, но в наше время держали данное слово.

– Хм... ладно...

Мы оба молчали.

– Что вы собираетесь делать с вашей подругой, когда заберете ее отсюда?

– Вас это не касается, – пробурчал он.

– Это же... – начала было я, но не успела. Я что-то услышала и, судя по взгляду старика, он тоже.

– Это что, голоса были? – встревоженно прошептал он.

– Кажется, да, – сказала я.

Мы оба прислушались. Ветер вновь доносил какие-то звуки, похожие на обрывки голосов.

– Проклятье, это, наверное, садовники. Они, бывает, уже в три часа ночи начинают работать, – сказал старик.

– Тогда нам лучше уходить. Давайте, забирайте свою подругу – и домой! – предложила я и опять закинула на плечо веревку стремянки.

– Я еще не докопался до нее. В восемьдесят три уже не так быстро копается, как в двадцать.

– Да-а... Ну тогда, может, в другой раз?

– Думаете, как часто я в своем возрасте могу на кладбище по ночам лазить? – последовал сердитый ответ.

Снова послышались звуки, похожие на голоса.

– Хорошо. Но я вам сейчас тоже ничего умного не посоветую. Я тогда пойду, наверное, – сказала я.

Мужчина отвернулся, подошел к своей лопате и продолжил возиться в земле. Сейчас мне хорошо была видна могила с захоронением урны. Лопата заходила в грунт не очень глубоко, и каждый раз, вонзив лопату в землю, он на мгновение замирал. Я стояла в нерешительности. Опять послышались голоса, старик чуть слышно чертыхнулся. Мне его стало

как-то жаль. Я представления не имела, зачем ему понадобилось выкрасть урну, но, с другой стороны, я подумала: я бы тоже хотела, чтобы ты лежал в урне, которую я бы просто могла взять собой. Я подошла к старику ближе и посмотрела в вырытую яму. Он выкопал уже достаточно глубокую яму.

– Еще сантиметров сорок или около того, и я ее достану! – кряхтел он.

– Ну-ка, дайте-ка сюда, – сказала я, отставила лестницу в сторону и взяла лопату у него из рук. «Эх, была не была», – подумала я и начала копать. Лопата, еще одна, еще раз. Мой новый знакомый, тяжело дыша, прислонился к одной из надгробных плит, вытирая пот со лба. Голоса слышались все ближе. Я посмотрела на надпись на надгробии. Похоже, выкапывала я тут женщину по имени Хельга. Вдруг лопата ударилась обо что-то твердое.

– Это урна! – прошептал с волнением старик. Я опустилась на колени и принялась рыть землю руками. Я разгребала, разгребала и вырыла наконец небольшой металлический сосуд с декоративными узорами. Параллельно я слышала, как приближаются чужие голоса.

– Да погасите вы фонарь, – прошипела я сквозь зубы, пытаясь высвободить из земли нижнюю часть урны. Старик подчинился моему приказу. Я тянула сосуд вверх, расшатывая его из стороны в сторону. Готово. Урна была у меня в руках.

– Все! Уходим! – прошептала я и сунула урну старику. Тот

пытался зажать лопату под мышкой, чтобы взять ее с собой. – Оставьте лопату здесь!

– Вы с ума сошли? Это фирменная вещь. Знаете, сколько она стоит?

– О-о, ну да! Если вы ее с собой возьмете, вас вычислят. Купите себе новую. А сейчас пойдете наконец!

Старик не сдавался, и дарить свою лопату этому миру он, похоже, не собирался. Я забрала ее у него и снова перекинула веревку с лесенкой через плечо.

– Все. Пошли!

– Да иду я, иду, – он поспешил вслед за мной. То место, где я перелезала через стену, чтобы попасть на кладбище, к счастью, находилось в другой стороне от голосов.

– Вас, кстати, как зовут? – спросила я.

– Гельмут. А вас?

– Паула. Очень приятно.

– Ладно-ладно. Не будем преувеличивать.

Как мило.

– А вы как на кладбище прошли? – спросила я опять.

– Ну как? Через ворота.

– Что?

– Ну, на боковом входе ворота обычно не запираются. Там можно пройти.

– И это вы мне говорите только *сейчас*? Мы же просто могли выйти там!

– Но вы же все схватили и побежали!

– Мы там сейчас еще пройдем?

– Если повезет. Там как раз сейчас садовники могут быть.

– Ладно. Тогда пойдем моим путем. Я сначала поднимусь по лесенке и буду ждать вас наверху, на стене. Потом подниметесь вы, и я затащу стремянку наверх. На другой стороне сначала я спускаюсь, потом вы. Согласны? Сможете?

– Да, должно получиться, – подтвердил Гельмут.

Я установила стремянку, забралась на стену и подождала, пока он тоже поднялся. Потом я затащила стремянку наверх, опустила ее с другой стороны стены и спустилась, внизу прислонив лопату к стене.

– Возьмите сначала Хельгу, прежде чем я вниз спускаться буду. Как бы мне ее не столкнуть невзначай, когда буду ногу перекидывать.

– Э-э, ну ладно. Давайте ее сюда.

А зачем просто, если можно сложно? Гельмут взял Хельгу, провел еще раз ладонью по крышке урны и вместо того, чтобы дать ее мне, приподнял крышку.

– Что вы там делаете? – начала я. Сейчас определенно было не время для этого, что бы он там ни делал.

– Я только быстренько посмотрю, действительно ли Хельга там, – ответил он и вытащил из кармана брюк отвертку. Он что, боялся, что Хельгу до него уже кто-то украл? Изнутри он вытащил еще одну урну, поменьше – так это, по крайней мере, выглядело – и начал возиться с крышкой. С этого момента все пошло не так. Под его кряхтенье и стоны

маленькая металлическая крышка откупорилась и отлетела. Гельмут был ошарашен, с какой стремительностью это произошло. Маленькая урна, или капсула, или как уж там она называлась, выскользнула у него из рук, опрокинулась, ударилась о мою голову и с грохотом упала на землю. Старик еще попытался ее поймать, его вытянутые руки застыли в воздухе, лицо выражало безмолвный крик – а я с ног до головы была обсыпана Хельгой. Я потрогала то место на голове, куда ударилась урна, – наверное, шишка будет. Потом я протерла глаза, пытаюсь убрать пепел.

– Подождите! Не надо! – Гельмут поспешно спустился вниз и поднял капсулу с остатками пепла.

– Не двигайтесь, – остановил он меня, осторожно опустился на колени и ладонями стал собирать рассыпанный по земле пепел, насколько это было возможно. Я стояла, не двигаясь, и думала о том, что на меня только что, так сказать, высыпали труп. Ну или что-то типа того. Кряхтя, Гельмут встал и осторожно начал стряхивать пепел с моей одежды, собирая его в ладонь. Не задумываясь, он рукой проводил мне по лицу, выковыривая пепел даже из уголков моих глаз. Целая вечность прошла, пока он сказал «так», и мне можно было открыть глаза.

Я уже хотела было отряхнуть свою одежду, как он схватил мою руку и у него из груди вырвалось как заклинание:

– Нет!

– Эм-м, но мне же надо почиститься.

– Но это же Хельга.

– Да. Хм... Но я же не могу теперь вечно ходить, посыпанная Хельгой.

– Да. Я знаю. Знаю.

В нерешительности он переминался с ноги на ногу.

– Можете сейчас со мной ко мне домой пойти? – это прозвучало как приказ, его голос снова обрел уверенность.

– Что? Вы с ума сошли?

– Тогда можно будет Хельгу еще немножко с вас смыть. То, что смоемся, я высушу. И вы чистая будете. Я не извращенец и не убийца. – Последние слова он, похоже, старался произнести как можно дружелюбнее, и его лицо скривилось в попытке приветливой улыбки, но это больше походило на зубную боль.

– Именно это и сказал бы извращенец-убийца. Вам не кажется?

Он смотрел на меня так, будто его сейчас вырвет. Потом он выдавил из себя: «Я прошу вас», и казалось, что эти слова его сейчас задушат. Он стоял передо мной: тонкие волосы развевались на ветру, в сухоньких руках останки его подружки (или кем уж там ему приходилась Хельга), сзади у стены фирменная лопата «Вольф-Гартен». Он выглядел недовольным и несчастным одновременно. Было уже, наверное, часа три ночи. А первая электричка в мою сторону отправлялась в семь. Мне хотелось пить, мне надо было в туалет, и дел у меня в настоящий момент тоже особо не было. Из-за де-

прессии я не склонна была преувеличивать ценность своей жизни, поэтому я сказала:

– Да ну и ладно. Пошли.

Гельмут велел мне прижать руки к телу, как будто ребенка держу, чтобы Хельга как можно меньше с меня разлеталась. Шли мы медленно («Чтобы силу встречного ветра сократить», – сказал Гельмут, но я думаю, он просто устал), а минут через двадцать свернули на небольшую улочку с домами малоэтажной застройки. Старик жил в одном из этих домов, напоминавших бассейн, только вывернутый наизнанку. Дом был облицован таким странным светлым кафелем, какой уместно было бы использовать для внутренних стен бассейна, – но ведь не для фасада же здания.

Гельмут открыл ключом дверь и сразу запихнул меня в комнатку направо – в крошечную, малюсенькую ванную с душевой кабиной.

– Только не двигайтесь, – крикнул он, удаляясь по коридору. Я слышала, как он открывает шкафы один за другим, шарит в них. И через некоторое время он вернулся с пачкой фильтров для кофе и клейкой тканевой лентой.

– Вы что, мистер Макгайвер? – пошутила я.

– Кто? – растерянно переспросил он.

– Ладно. Неважно.

Я наблюдала, как он приклеивает кофейные фильтры один к другому, пока не получился целый коврик. Потом он опустился на колени, положил этот гигантский фильтр в ду-

шевую раковину, подогнал его по размеру и закрепил по краям клейкой лентой.

– Я не знаю, как долго клейкая лента продержится в воде. Наверное, недолго. Но не могли бы вы положить вашу одежду в пакет – я вам сейчас принесу – и передать его мне, прежде чем встанете под душ?

– Что?

– Я тогда стряхну Хельгу с одежды и соберу остатки.

– М-м-м... Ладно. Хорошо. Но дверь ведь запирается, да?

– Разумеется. Секунду. Я дам вам полотенце и чистый халат, – сказал он и исчез.

Я в это время рассматривала его конструкцию из фильтров. Идея абсолютно бредовая, подумала я, но сказать это вслух не решалась. Кем бы ему эта Хельга ни приходилась, кажется, она была безумно дорога ему, если он не хотел потерять ни пылинки из ее пепла.

Если бы это был твой пепел, я бы, наверное, так же себя вела. В конце концов, я влезла на кладбище ночью, чтобы навестить тебя, хотя сделать это можно было прекрасно и днем. То есть медаль за душевное здоровье мне бы вряд ли кто-нибудь вручил.

Гельмут вернулся и принес мне махровый халат и полотенце. Когда он вышел из ванной, я повернула старый латунный ключ и осторожно, чтобы рассыпать как можно меньше пепла, разделась. Всю одежду, кроме носков и нижнего белья, я положила в пакет, надела халат и открыла дверь. Гель-

мут ждал в коридоре и теперь, встав на колени, сунулся в ванную и маленьким ручным пылесосом собрал пепел, насыпавшийся с меня на пол. Думаю, ничего более иррационального мне видеть не доводилось. Мне пришлось помогать ему встать на ноги. Он только взял пакет, кивнул, даже не сказав спасибо, и мелкими шажками вышел из ванной, а потом еще раз обернулся:

– Осторожнее с водой, не включайте сильный напор. Вода будет медленно стекать: из-за кофейных фильтров.

– Хорошо. Я осторожно.

Когда он закрыл за собой дверь, я опять заперлась и повернулась к душе. Стены ванной были облицованы белой плиткой, а в душевой кабинке плитка была с голубыми волнами. Я сразу вспомнила море, тебя и подумала, как бы ты отнесся к тому, что у меня тут умерший человек в волосах. Ты бы точно сказал на это «бомбически», может быть, даже сжал кулак, как Борис Беккер, чтобы жестом подчеркнуть степень *супербомбичности*. Может, ты спросил бы, как это пахнет и каково оно на вкус. Если бы ты сейчас был здесь. И если бы я не знала, что ответить на последний вопрос, ты бы счел меня дурой.

Я сунулась в волосы, растерла пепел между пальцами, а потом лизнула подушечку пальца – никакого вкуса. А не было ли это каннибализмом? Или я уже совсем с ума сошла? Сколько я уже не спала?

– Все в порядке? – глухо спросил он за дверью.

– Да, все хорошо! – быстро ответила я.

Все супер, Гельмут, я тут как раз твоей подружкой полакомилась. Нет, я действительно слишком долго не спала.

Я встала в душевую и тихонько открыла кран так, чтобы из старомодной лейки над моей головой потекла лишь тоненькая струйка воды. Вода, ударяясь о кофейные фильтры, издавала глухие звуки, как от падающих капель дождя. Я закрыла глаза и просто стояла, думая о твоей могиле и тем самым опять же о тебе.

– А откуда берется дождь? – спросил ты однажды.

– Ну, из облаков, ты же знаешь.

– А облака откуда берутся?

– Хм, это посложнее будет.

Ты пошел в свою комнату, принес листочек, восковой мелок и сунул их мне в руки.

– Покажи! – потребовал ты.

– Ладно, – я начала рисовать что-то похожее на море. – Это море, где скапливается почти вся вода, какая есть на земле.

– И рыбы! Они там тоже скапливаются, – вставил ты. Лицо выражало максимальную концентрацию. Подбородком ты опирался на обе руки: типичная поза Тима-исследователя.

– Ну, да, так сказать. Во всяком случае, на поверхности моря вода испаряется, и на суше, конечно, тоже.

– Испарение мы на природоведении проходили. Это как при сушке белья, да ведь?

– Верно. И эта вода, которая испаряется на море, перемещается маленькими парящими капельками в сторону материка. Если влажный воздух теплее, чем прохладный воздух над землей, он поднимается вверх в атмосфере. – Я нарисовала купол над морем и материком и показала стрелками направление, в котором двигается влажный воздух.

– Ага! – воскликнул ты. Это прозвучало как «Эврика!», во всяком случае, очень значительно.

– Да. А вверху всегда бывает прохладнее, чем внизу. Ты же знаешь, когда мы приезжаем к тете Маргит, там вверху всегда холоднее, чем у нас внизу, правильно?

– Точно!

– Дело в том, что холодный воздух не удерживает воду так, как теплый воздух. И испарившийся водяной пар конденсируется: так это называется.

– Я такого слова не знаю.

– Не страшно. В итоге это приводит к тому, что капельки воды маленькими группами собираются и удерживают друг друга. Мы эти группы видим уже облаками, потому что их так много, что они становятся непрозрачными.

– Ага! – снова воскликнул ты, выхватил у меня из руки мелок и нарисовал облако с улыбающимся личиком.

– Когда эти группы капелек становятся слишком тяжелыми, им сложно удерживаться в воздухе, и рано или поздно

они падают вниз. В зависимости от того, насколько воздух холодный, это может быть дождь или град, снег, снежная крупа или еще что-то. – Я нарисовала от облака стрелочки в сторону моря и в сторону материка. – Как видишь, это круговорот. Вода же, которая спускается вниз, снова испаряется.

Ты молчал и внимательно рассматривал рисунок.

– А рыбы тоже могут испаряться?

– Нет, рыбы не могут испаряться.

– Только представь: они испаряются, взлетают в небо, а потом все вниз падают из рыбных облаков. Повсюду только и слышно «плюх», «плюх», а вместо дождя на голову сыплотся рыбы! Но они же тогда все мертвые будут!

Лицо у тебя застыло от ужаса.

– Рыбы не испаряются. Только вода.

– А если море когда-нибудь испарится полностью, тогда все рыбы задохнутся? – вся эта тема тебя сильно беспокоила.

– Нет, – сказала я и провела пальцем по стрелочкам. – Вода же все время дождем или другими осадками падает на землю. Это круговорот.

– Мне кажется, я иногда тоже немножко испаряюсь, – прошептал ты заговорщически.

– Да? – прошептала я в ответ.

– Мне кажется, мне надо съесть мороженое, чтобы пополнить внутри запас воды, – добавил ты с улыбкой.

– Да, так и поступим, а то улетишь мне еще в облака!

Я все еще неподвижно стояла под душем. Вода струйка-ми стекала по телу. Дорожки, по которым стекали капельки, оставляли на моих руках узор там, где смылся пепел. Я стала как будто мраморная. Я медленно принялась стирать пепел со своего тела. Механически я проводила руками по волосам, распределяя воду, снова и снова выжимала волосы. Сейчас ты был в облаках. Ты испарился.

В воде вокруг ног образовался серый рисунок. Потом я услышала стук в дверь.

– Вы там?

– Да. Все нормально.

– С фильтрами – получается? – глухо прозвучало через дверь.

– Да, работает!

– Отлично.

Больше ничего не последовало. Я еще один, последний раз выжала волосы, вышагнула из кабинки и вытерлась полотенцем. На махровом ворсе следов пепла не оставалось. Значит, большую часть Хельги я смыла. Я посмотрела в маленькое зеркало над раковиной, чтобы проверить, нет ли за ушами, на шее, еще где-нибудь остатков пепла, а потом надела нижнее белье, носки и халат. Выйдя из ванной, я пошла вдоль маленького коридора.

На стенах были старомодные бежевые обои с узором из коричневых кустиков травы, которые ты без обиняков назвал бы *какашечными*, пожалуй. Справа находилась винто-

вая лестница, ведущая вверх и вниз, слева от меня – коричневая деревянная дверь с матовым стеклом, но она была закрыта. Прямо по коридору чуть приоткрытой стояла деревянная дверь, ведущая в комнату, где горел свет. Я вошла и очутилась, к своему удивлению, в очень современной кухне. Стены в пастельных тонах, а панели шкафов покрыты рояльным лаком цвета яичной скорлупы. Я увидела стеклокерамическую плиту, большой американский холодильник с генератором льда и всякими приспособлениями. Прямо передо мной была стеклянная раздвижная перегородка, рядом с которой стоял обеденный стол и четыре стула. На одном из них сидел Гельмут и ковырялся в ручном пылесосе, кисточкой извлекая кусочки пепла и собирая их на белом листе бумаги. Как он различал, какие кусочки были Хельгой, а какие просто грязью – спрашивать я не стала.

– Я все, – объявила я.

– О, очень хорошо. Пусть фильтры теперь высохнут сначала.

– Где мои вещи? Я бы оделась.

– Они в стиральной машине: грязные были.

– Э-э... что? Они же мне нужны. А как я сейчас выйду?

Мне же домой надо ехать.

– Но не в таком же виде! Все ведь в пепле было.

– Я думала, вы их просто протрясите.

– Так я и сделал, а пепел снова в капсулу собрал.

– Так, а зачем их еще стирать надо было?

– Ну, там ведь не только Хельга была, джинсы все в земле были, и на футболке серые разводы от пыли и пепла остались, и еще что-то.

– И что мне теперь делать?

Я этого человека задушить была готова.

– Хм, я вам что-нибудь из Хельгиных вещей дам. Подождите.

Он отложил пылесос и кисточку на стол, обошел вокруг и проследовал мимо меня в холл. Я слышала, как он поднялся по лестнице, потом шаркал там наверху ногами прямо надо мной, ходил из комнаты в комнату. Я села к столу и закрыла лицо руками. «Как я могла вляпаться в это безумие?» – спрашивала я себя.

Через некоторое время Гельмут вернулся на кухню.

– Я вам кое-что из своего принес. Хельга очень маленькая была и худенькая: метр пятьдесят два всего лишь, и весила меньше пятидесяти килограммов. Мне кажется, ее вещи вам не подойдут.

Разумеется. Спасибо! Я толстая, я знаю. Я взяла аккуратно сложенный и, похоже, даже поглаженный спортивный костюм лилового цвета. Насупившись, я снова пошла в ванную переодеваться, а когда вернулась на кухню, Гельмут как раз включил чайник.

– А-а, ну что, великоват немного, но ничего, совсем немного! – заметил он.

Я промолчала, а потом взяла пакетик ромашкового чая из

коробки с разными сортами, которую он протянул мне. Часы на стене показывали, что уже доходило шесть. Я жутко устала, хозяин жилища тоже выглядел уже довольно измученным. Проследив глазами мой взгляд, он тоже посмотрел на часы.

– Через час я обычно встаю, – пробормотал он.

Мы пили чай, молча, не говоря ни слова. Потом он спросил:

– Сколько было лет вашему брату, когда он умер?

– Десять, – ответила я односложно.

Гельмут кивнул и добавил горячей воды в наши чашки.

– Извините, что я на вас Хельгу опрокинул.

– Да. Было не очень кстати.

– Я, знаете, перед этим в интернете посмотрел, как такие капсулы с пеплом открываются. Да-да, не смотрите так. Мне восемьдесят три года, и у меня есть компьютер. Многие пожилые люди сейчас онлайн. И там, где я смотрел, говорилось, что открыть такую вещь непросто. Я не ожидал, что это будет так легко. Даже слишком легко, поэтому я недооценил силу рычага.

– Похоже, Хельга много для вас значит.

– Да, – только и ответил он и сделал глоток из своей чашки: он взял себе шиповник.

– Почему вы пошли к своему брату ночью, а не днем? – спросил он снова.

– Мне сложно с людьми, и я не хочу, чтобы на меня смот-

рели, когда я стою у могилы брата.

– Хм, понимаю. Я этого тоже не люблю.

Не удивительно. Весь его облик: хмурый и отторгающий. Я себя спрашивала: он всегда такой был или просто разучился общаться с людьми?

Думаю, он был одинок, во всяком случае, на меня он производил впечатление человека, который живет совсем один. А может быть, это всего лишь мысли-клише. Я тоже не походила на человека, который ночью тайком на кладбище проникает или у которого дома горы коробок от пиццы громоздятся, потому что депрессия превратила жизнь в полную катастрофу.

– Вы выглядите усталой, – сказал Гельмут.

– Я почти тридцать часов не спала.

– Не сильно полезно для здоровья.

– А я и не очень здорова.

– Хм. Если хотите, можете прилечь в гостиной, поспать немного. А я пока переложу Ваши вещи в сушилку и сам тоже ненадолго прилягу.

– Ну, я не знаю. То есть... Ладно. Хорошо.

Он провел меня в соседнюю комнату, вытащил из шкафа коричневое теплое одеяло, дал мне в руки, а потом вышел и закрыл за собой дверь.

Я огляделась в комнате. Слева от меня стоял застекленный шкаф, где была составлена посуда. По всей видимости,

хорошая посуда. Такая посуда появляется в доме, думаю, только в определенном возрасте. У папы с мамой такой еще нет, а вот у бабушки с дедушкой уже есть. Но наши родители уже обзавелись *хорошими бокалами*. Может быть, это уже начало?

Я осматривалась дальше. Прямо передо мной открывалось зрелище, которое тебя привело бы в истинный восторг, это точно. На комодке коричневого цвета в стиле семидесятых (предположительно, оригинал) стояло множество чучел животных. Просто немыслимо. Я подошла ближе и стала рассматривать коллекцию. На комодке стояли, среди прочего, две белки, бобр, канюк, два зайца, морская свинка, попугай, кошка (не без повреждений: вероятно, на проезжей части под колеса попала) и голубь. Я была уверена, коллекция – не совсем легальная, но *бомбезная* – однозначно. Над комодом висела полка, на которой стоял корабль в бутылке, а рядом фотография маленького мальчика, он выглядел немногим старше тебя. Фотография была довольно старая. Может, это сын Гельмута? Или он сам? Сколько лет фотографии, определить было невозможно.

На чучелах скопился целый слой пыли. Я рассеянно протерла рукавом спортивной кофты стеклянные глаза канюка и сразу пожалела об этом. У него был странный взгляд. Я не знаю, как это описать: какой-то буравящий и одновременно неживой, безучастный. Как будто он смотрит на меня очень внимательно, и при этом – мимо меня. Я спрашиваю себя,

как выглядели твои глаза, когда тебя достали из пучины. Они были закрыты или открыты? И если они были открыты, куда они смотрели? Что ты видел перед гибелью? Рыбу? Я надеюсь, ты видел рыбу. И я надеюсь, ты не думал обо мне. Пожалуйста! Потому что меня не было рядом, чтобы помочь тебе. То, чего я желаю больше всего, это чтобы ты в последние секунды жизни думал не обо мне. Не о том, что я должна быть рядом, чтобы спасти тебя. Чтобы ты не тосковал обо мне в тот момент и не думал, что мы больше никогда не увидимся. Я ощутила смутное чувство вины, и это сводило меня с ума. Я надеюсь, что ты думал только о рыбах, о плавающих блюдах и, может быть, о дельфинах, хотя к ним ты относился с недоверием. Животные, которые делают вид, что они рыбы, но рыбами при этом не являются. Это было для тебя подозрительно.

Я заплакала. Уже достижение, потому что после твоих похорон и до этого момента – в чужой комнате старого незнакомого человека – я еще не плакала. А как человеку плакать, если внутри у него лишь Ничто? А сейчас вырывалось наружу целое море, порой бушующее в моих ушах. Я вытерла глаза, и мне вспомнилось еще кое-что. Я снова повернулась к комоду, взяла канюка и повернула его клювом к стене. От его стеклянных глаз мне было не по себе. Потом я легла на коричневый кожаный диван, стоявший почти в центре комнаты напротив двери. Оттого, что я туда-сюда ворочалась, кожаное покрытие дивана скрипело. Я укрылась и, лежа на

спине, уставилась в потолок. Выключить свет я забыла, но встать еще раз не хотелось, и я просто закрыла глаза.

– Кот умер.

Я открыла глаза, и от яркого света минуту моргала и щурилась.

– Что? В чем дело? – пробормотала я, пытаюсь сориентироваться. Наконец я вспомнила: кладбище, урна, ты.

Я села, потерла руками глаза. Передо мной стоял Гельмут. Он, похоже, переделся. Волосы на голове уже не торчали, а были приглажены и зафиксированы гелем на усеянной старческими пятнами коже головы.

– Гонсалес там лежит. Так зовут кота, – сказал он и вышел из комнаты.

Я встала, еще не совсем проснувшись, и побрела вслед за ним на кухню. Он стоял перед открытой дверью на террасу и смотрел вниз, под ноги. Я подошла ближе и, опустив взгляд, увидела кота. Он был определенно мертв.

Лапы у кота были пятнистые, шерсть на голове реденькая, вокруг ушек светились прогалины. Видимо, этот мини-хищник достиг преклонных лет. На тонкой шее виднелся кожаный ошейник с колокольчиком, который, вероятно, служил предупреждением для певчих птиц о гибельном приближении кота.

Гельмут стоял, подперев бока, и разглядывал эту неприятность. Гадливо ткнул кота носком коричневой клетчатой

тапочки. Трупик сдвинулся при этом с таким шаркающим звуком, что у меня мурашки по спине пробежали. Гельмут бросил взгляд на ввалившиеся глаза кота и отправился назад в кухню.

– Опять непредвиденные обстоятельства, – пробурчал он и начал то открывать, то закрывать выдвижные ящики.

Я не могла понять, почему он был так зол. Я на его месте скорее горевала бы из-за того, что кот умер: он ведь его явно знал.

Тогда я еще не понимала – определенные вещи для Гельмута имели исключительную важность: вежливость и, прежде всего, порядок. Он считал чрезвычайно невежливым со стороны кота: выбрать именно его сад местом для того, чтобы почить, хотя жил он у других людей. До чего мы докажемся, если каждый будет умирать, где ему вздумается? Он сам никогда не поступил бы так необдуманно. Он, например, никогда не пришел бы в мою квартиру, чтобы лечь там на пол и просто умереть, свалив на меня все эти хлопоты. Коту же, в отличие от него, похоже, были чужды такт и приличие. Мог же он пройти подальше метров двадцать и там спокойно себе умереть, так ведь нет! Вместо этого он предпочел наделать неприятностей соседу, который и пальцем его никогда не тронул. По крайней мере, так Гельмут это воспринял.

Обиженный этой невероятной бестактностью, сопя, он еще раз вернулся к двери. Подвинул животное еще на пару сантиметров в сторону – твердое как доска. Он вздохнул – на

этот раз громче и театральнее. Как будто его демонстративное недовольство могло заставить кота подняться и сказать: *«О, простите великодушно! Умереть здесь было действительно крайне опрометчиво с моей стороны, так неловко. Я, разумеется, сейчас же перейду в сад моих хозяев, чтобы почить там, не нарушая правил приличия»*. Но кот со свойственным ему упрямством продолжал неподвижно лежать, доставляя Гельмуту неудобства и дальше.

Мне надо было в туалет, и я, оставив Гельмута наедине с трупиком, вышла в коридор. Там выяснилось, что осуществить свои намерения мне будет не так просто – я вернулась назад к хозяину дома.

– Гельмут.

– Да, – ответил он отрешенно, пытаясь завернуть окоченевшего кота в бумажное посудное полотенце. Окоченелые негнушщиеся лапы осложняли ему задачу.

– В холле стоит огромная собака с морковкой в пасти и рычит на меня.

– А-а, это Джуди, она застряла.

– В каком смысле?

– Это моя собака, вчера она у соседей была.

– Ясно, а где она была сегодня утром?

– У соседей, я же говорю! Я ее только что забрал.

– Понятно... А сейчас она почему так странно там стоит?

– Она не может двигаться вперед: из-за морковки.

– Не может двигаться вперед?

– Да.

– Из-за морковки...

– Именно так.

Я непонимающе уставилась на него. Гельмут выпрямился, держа мертвого кота на руках, как младенца. Я повернулась в сторону холла, решив: все-таки, наверное, не стоит стоять спиной к оскалившейся овчарке (в помеси с чем-то там еще). Тут я увидела и миски в сушке для посуды, а в углу за дверью стоял мешок с кормом для собак: вчера я всего этого не заметила.

– Да. Когда у нее морковка в пасти, она только назад шагать может. Это долго объяснять.

– Мне в туалет надо, ну и как-то мимо нее пройти.

– Да, конечно. Минуточку.

Он положил завернутого наконец в полотенце кота на кухонный стол и прошел мимо меня в холл, забрал у собаки морковку и унес ее в гостиную. Там он куда-то ее, видимо, положил, потому что назад он вернулся уже с пустыми руками. Теперь собака могла двигаться, побежала в гостиную – действительно задним ходом, хотя морковки у нее в пасти уже не было. Вероятно, на задний ход она уже настроилась. Я последовала за ней и, заглянув в комнату, увидела, что Джу-ди развернулась и уже совершенно нормально побежала к лежащей на диване морковке, схватила ее и запрыгнула на кресло. Кто бы мог подумать, что мне однажды встретится собака, такая же непредсказуемая, как соседский пес Хэмф-

ри, которого хозяева держали над унитазом, чтобы не выводить его так поздно на улицу пописать.

В ванной я надела свои еще теплые после сушки вещи, вышла в коридор, натолкнувшись на вдруг материализовавшуюся там гору сумок и чемоданов. Тут же опять выбежала собака, чтобы посмотреть, что этот чужой человек тут делает – неудобства ей, видимо, тоже были не по душе. Я медленно обошла эту гору сумок, собрала все свое мужество в кулак и прошла рядом с недоверчиво глядящей на меня собакой, оставшись при этом целой и невредимой. Первое ощущение успеха в этот день. Я чувствовала себя Крокодиллом Данди.

– Собираетесь уезжать? – спросила я Гельмута, который обертывал урну Хельги клейкой лентой.

– Да, – коротко ответил тот.

– О, отлично... А куда едете?

– В горы.

– О-о, горы я люблю!

– Да, мы едем в Южный Тироль.

– Мы?

– Джуди, Хельга и я.

– А что вы собираетесь там делать? Отдыхать поедете?

– Нет. Хельга найдет там свое последнее пристанище.

– Она оттуда родом?

– И да, и нет.

Молчание. Разговорчивым Гельмута точно не назовешь. Он был занят тем, что рассматривал куртки в шкафу, веро-

ятно, чтобы решить, какие из них ему понадобятся. Он стоял, задумавшись.

– Я тогда Хельге пообещал, что мы еще раз в горы съездим. Ну, когда она еще была жива. Но потом она умерла. А я все-таки поеду вместе с ней в горы. В конце концов, обещания надо выполнять. Поэтому мне надо было выкопать ее.

– Как вы туда поедете?

– На моем трейлере.

– А меня с собой можете взять? – слова вылетели из меня, прежде чем я успела подумать. Как будто этот импульс прошел напрямую через спинной мозг, минуя голову.

– Что? – спросил он, повернувшись ко мне.

– Не знаю... Ну, может, было бы неплохо...

– Ни в коем случае я вас не возьму с собой.

– Ну, можно я хотя бы какое-то расстояние с вами проеду? Мне же как-то домой надо добираться.

– Нет.

– Но я же вам помогла.

– Да...

– Хм. Ну, смотрите. Это был бы ваш ответный ход.

Гельмут молчал и снова начал перебирать вещи в шкафу. Потом он обернулся и посмотрел на меня.

– Хорошо. Но только небольшое расстояние. Где вы живете?

– Франкфурт. Я там учусь.

– Договорились. Но в город я заезжать не буду, даже не

думайте. Я высажу вас на трассе, а там на автобус сядете или еще как-нибудь. И вот что еще: вы положите кота к двери соседей. Тогда мне не придется этого делать.

– Отлично!

Похоже, я совсем сошла с ума.

Светло, темно, светло, темно. Сквозь закрытые веки я ощущала мигание света от деревьев, стоящих вдоль шоссе, по которому мы теперь ехали. Я приоткрыла глаза и увидела, как солнечный свет то и дело появляется и исчезает меж листочков. Если бы я знала азбуку Морзе, как ты знал, я, может, поняла бы, что говорят мне деревья (это были тополя?).

В жизни я часто чувствовала себя одинокой. Я помню моменты, когда я думала: Паула, ты одна. Но только сейчас мне стало ясно, что по-настоящему ты одинок, когда ты остаешься – в остатке. И тогда ты едешь в горы, потому что они такие огромные и величественные, а ты сам такой маленький. И ты надеешься, что это своего рода компенсация, что бесконечность гор может заполнить пространство, которое занимал тот, кто ушел. Что талая вода ледников проникнет в каждую трещину, каждую щелку, и снова все наполнит жизнью. Но никакие горы не могут компенсировать эту пустоту. А потом ты вдруг оказываешься в трейлере рядом со стариком и латентно агрессивной овчаркой.

– Чем старше становишься, тем чаще видишь своих знакомых на похоронах, – вдруг ни с того ни с сего сказал Гельмут.

Я открыла глаза и повернула к нему голову.

– Знаете, у меня были знакомые, которых я встречал ис-

ключительно на похоронах, – продолжил он. – Это возраст. Лизбет, например, вообще ни одних похорон не пропустила, кроме своих собственных. Да-а. Она была настоящим туристом по кладбищам, это точно. А прошлой осенью она погибла вместе со своим мужем во время похода на парусной яхте. Труп ее мужа выбросило неделю спустя на португальском побережье. От Лизбет – ни следа. Через два месяца поиски прекратили и хоронили пустой гроб. Я тогда многим пытался рассказать, как забавно все это было, но всем это только странным казалось. Ну и ладно. Мне люди тоже странными кажутся.

Я ухмыльнулась, на что Гельмут – полагаю, довольный тем, что я поняла иронию – сидел и тихонько улыбался.

– Ваш брат. Он же умер? – спросил он через некоторое время.

– Да.

– М-м-м...

Он снова замолчал, переключил скорость и взял вправо. Я уже привыкла, что он говорил, только когда это было ему удобно. Мы остановились на обочине проселочной дороги, солнце стояло еще довольно высоко, хотя было уже далеко за полдень, а соцветия рапсового поля оглушали своей желтизной палочки и колбочки сетчатки наших глаз.

– Почему поля не смешивают? – спросил ты меня однажды, когда мы катались на велосипедах и проезжали мимо

рапсового поля.

– В каком смысле – не смешивают? – не поняла я и осталась рядом с твоим велосипедом, с которого ты уже сошел.

– Ну, если сейчас, например, шмель прилетит, а рапс он не любит, он же здесь ничего другого не найдет. Это же глупо. В супермаркете ведь тоже много разного. Иногда мне, например, хочется сыра, а иногда шоколадку. Для животных – лажово.

– Лажово не говорят.

– Ты постоянно говоришь лажа!

– Ладно, хорошо. Во всяком случае, фермеры так делают, потому что так намного эффективнее. Потому что тогда ничего сортировать не придется. Будет просто целая гора рапса. Они его продают, потом из него делают масло и так далее.

На лбу у тебя нарисовалась морщинка.

– Я понимаю, – не останавливался ты, – но это же плохо для природы. Не все животные едят рапс, и не все его любят. А если кто-то из них так устал, что нет сил искать дальше – подсолнух или мак – он же умрет. Он же с голоду умереть может.

– Это да, правильно.

– Давай поедem к фермеру и скажем ему об этом.

– Ой, Тим. Слушай... Ну, мы же не знаем, чье это поле.

– Точно.

Сошлись мы на том, что ты напишешь письмо в Гессен-

ское министерство сельского хозяйства и сообщишь им о своих размышлениях. Ответа, правда, ждать вряд ли стоило.

– Собаку надо вывести погулять, – сказал Гельмут, когда мы отъехали километров тридцать.

– Хорошо, ладно.

– Так. И мне тоже в туалет надо.

– Хорошо.

– В общем, собаку придется выгулять вам.

– Что? Мне?

– Ну я же не могу и то и другое одновременно делать. И потом, мы же хотим еще сегодня до Франкфурта добраться.

Он вышел. Я продолжала сидеть. Он же это не серьезно, надеялась я. Но тут моя дверь распахнулась: Гельмут с поводком в руке, рядом с ним Джуди. Я вышла и неуверенно взяла поводок у него из рук. Вооруженный рулоном туалетной бумаги, он зашагал в направлении ближайшей опушки леса.

Я посмотрела на собаку, она, в свою очередь, тоже недоверчиво разглядывала меня. Было действительно сложно сказать, кому из нас вся эта ситуация была неприятнее: мне или животному, которое, кажется, на дух меня не переносило. Я сделала два шага, осторожно потянула поводок и сказала: «Пойдем!» При этом я каждую секунду рассчитывала на то, что на меня сейчас нападут и моя кровь оросит рапсовое поле. Мне было по-настоящему страшно. Джуди пришла

в движение и примкнула ко мне.

Погода была прекрасная, и вокруг нас в воздушном пространстве царило оживление. Толстые шмели кочевали с цветка на цветок, комаришки врезались в мой нос и, покачиваясь в воздухе, пытались прийти в себя после неожиданного столкновения, мухи-журчалки на цветках рапса демонстрировали свои вытянутые, как у осы, брюшки, стараясь выглядеть максимально опасными, а сами преспокойно себе подкреплялись. Все вокруг беспрестанно жужжало, гудело, стрекотало, порхало, и я почувствовала непреодолимое желание побежать по рапсовому полю, размахивая руками, и просто бездумно кричать.

Собака, по-видимому, наконец решила, что я все-таки не столь опасна, и перешла к исследованию рапсового поля. Сверхчувствительный нос был в серой пыли, хищные глаза слегка прищурены – для защиты от насекомых и грязи.

Язык тела и движений Джуди четко сигнализировал мне: *«Осторожно! Я тебе не доверяю!»* Собака присела, пописала, в то время как я в некоторой неловкости стояла рядом. Потом она резко повернулась и стала тянуть меня в сторону фургона, чему я не сопротивлялась.

Прошла целая вечность, пока Гельмут вернулся назад: двадцать минут точно. Трейлер был заперт, поэтому я просто стояла у кабины водителя и ждала. Сесть в фургон я не решалась, потому что не могла предсказать, как Джуди отреагирует на вторжение в ее пространство. Поэтому я просто

прислонилась к машине, и жар раскаленного солнцем металла стал прожигать меня сквозь одежду.

Я не так много знала о старых мужчинах, но если у Гельмута такой же слабый мочевого пузыря, как был у нашего дедушки, то до Франкфурта мы доберемся уже далеко затемно, – подумала я, – потому что останавливаться придется каждые тридцать минут. Через какое-то время я увидела, как он вышел из леса и торопливо направился в сторону трейлера, но как бы он ни спешил, при его темпе это все равно длилось целую вечность. Ветер растрепал его волосы, и он опять был похож на голубинового птенца.

– Ну что? Получилось? – поинтересовался он, подходя.

– Что получилось?

– Джуди сделала свои дела?

– Ну, она пописала.

– Хорошо. Но ей надо покакать.

– Этого вы не говорили. Она меня после своего маленького дела сразу назад к машине потянула.

Гельмут посмотрел на меня так, как будто я вообще ни на что не способна.

– Ясно. Значит, сейчас надо еще раз сходить погулять.

– Хорошо. Я посижу в машине.

– Не-ет. Вы пойдете с нами. Вы не можете просто так одна оставаться в моей машине.

– Почему?

– Простите великодушно, я вас не знаю совсем. А вдруг

вы тут копать начнете. Вставайте. Идем.

Это было начало моего разочарования от того, что я поехала с ним. И мне не надо долго объяснять, что было и продолжение.

Мы снова шли к опушке леса. Джуди на этот раз бежала без поводка и пользовалась возможностью исследовать все на своем пути очень тщательно.

Каждый раз, когда я захожу в лес, я погружаюсь в совершенно другой, новый мир. Сразу чувствуется другой климат, воздух становится влажным, плотным, настоящим, пряным. Ты однажды сказал: «Лес – сочный!» Это было в Дании, куда мы каждый год ездили всей семьей: мама, папа, бабушка, дедушка, тети, дяди, сестры и братья двоюродные.

Леса там совсем другие, не как здесь. Если дома, в Райнхардсвальде, могучие дубы и буки устремляются ввысь, то в Дании, где мы отдыхали, в основном лес был хвойный, причем деревья выглядели как заколдованные. Своими невысокими закрученными стволами и шапками из сухой зеленой хвои они как будто друг другу кланялись. Сильные ветра на побережье оставили свой след, научив их смирению.

Мы с тобой всегда представляли, что мы великаны, потому что эти деревья не вырастали больше двух-трех метров. А еще мы часто сидели, спрятавшись, и ждали лесных гномов.

– А гномы бывают по правде? – спрашивал ты. – Или домовые, эльфы или еще другие маленькие существа волшебные?

– Нет.

– А у тебя есть доказательства? – сразу не согласился ты.

– Ну, не то чтобы.

– Почему ты тогда так уверена?

– Тим, я никогда их не видела и не знаю ни одного человека, кто мог бы утверждать, что видел.

– Весь глубоководный океан еще не исследован. Скажешь, и новых крабов не бывает?

– Нет, но...

– Вот видишь! Откуда же тебе знать?

М-да... Откуда же мне знать.

Из воспоминаний меня выдернула ветка, хлестнувшая прямо в лицо. Гельмут отвел рукой торчащие ветки куста у себя на пути и не потрудился проследить, чтобы отпущенные прутья не стегнули меня. Как мило.

Мы уже зашли вглубь леса. Мягкий лесной гумус гасил шум наших шагов. Запах смолы, наполнявший воздух, успокаивал. Вдруг стало так тихо, а проезжающие мимо машины были так далеко, что казалось, будто у меня в ушах вата.

– А вы знаете, что тополя можно узнать по шуму листвы? – спросил в тишине Гельмут, пока Джуди неслась по лесу, обнюхивая мягкую почву и наводя ужас на ее мелких обитателей.

– На ветру листья звенят, как тонкие пластинки алюминия, – сказала я, – это из-за стебельков.

Гельмут резко остановился.

– Откуда вы это знаете?

– Я – биолог.

– Правда?

– Правда.

Кажется, это вызвало у него уважение и что-то вроде симпатии. Он одобрительно кивнул, что в его случае можно было расценивать как эмоциональный всплеск.

– Я раньше лесничим работал.

– Что, правда?

– Да, лесничим тоже.

– Какое ваше любимое дерево? – спросила я тогда.

– Мне нравятся дубы и березы, – ответил он, немного подумав.

Бомбезно, сказал бы ты, наверное. Береза была твоим любимым деревом, моим тоже.

– Мне березы тоже нравятся, – сказала я.

Мы не спеша шли дальше. Гельмут нашел на земле толстую ветку и использовал ее как трость.

– Хельга любила лес, – продолжил он. – В первую очередь, она любила зверей. Она вообще все живое любила. Мне дома даже муху убить нельзя было, я должен был поймать ее в банку и вынести на улицу. Вы ловили когда-нибудь муху банкой? – спросил он.

Я отрицательно покачала головой.

– Вот именно. Это практически невозможно. Она меня до

безумия доводила. Правда. Но ради нее я, в итоге, бегал по дому и ловил этих проклятых мух.

– Вы вместе жили? – спросила я.

Гельмут ничего не ответил. Он свистнул, и Джуди, меж тем свершившая свое дело по-большому, прибежала к нему.

– Надо возвращаться, чтобы успеть приехать до темноты.

Он повернулся, и мы пошли назад к трейлеру. Мы больше ничего не говорили, а только слушали, как Джуди бежит, постукивая лапами, высунув язык и часто дыша. Шли, прислушиваясь, как живут и умирают маленькие, невидимые нам звери вокруг.

Мы проехали километров двадцать и опять стали перестраиваться вправо, чтобы остановиться. Я уже начала сомневаться, доедем ли мы до Франкфурта такими темпами, пока не началась осень. Обычно на это расстояние хватает двух с половиной часов на машине, если ехать по автобану. На трейлере часа три, три с половиной выйдет. Но если дело пойдет так и дальше, и мы еще и по проселочным дорогам вилять будем – самое меньшее, пять часов понадобится, если не больше.

– Пора перекусить, – сказал Гельмут, – кроме того, мне снова в туалет надо. Я здешний лес знаю. Там подальше есть небольшое озеро с лужайкой, можно остановиться и передохнуть.

Он отстегнул ремень безопасности, вышел, пошерудил в багажнике, принес хлеб, сыр, колбасу и сунул все это мне в руки. Потом еще раз вернулся к багажнику и принес термос, два стаканчика, сливки и поставил их на землю.

– Вы же пьете кофе? – спросил он утвердительно.

Я кивнула. Гельмут снова взял у меня продукты, погрузил их вместе с термосом в полотняную сумку, выпустил Джу-ди из машины и заблокировал дверцы. Он шел впереди, а я отстала метра на два, чтобы ответить на сообщения в телефоне, до которых со вчерашнего дня у меня не дошли руки.

Лучшая подруга спрашивала, куда я пропала. Мама интересовалась, все ли у меня хорошо. Я им обеим ответила, чтобы не беспокоились, что я поехала навестить друга, а потом снова убрала телефон. Батарея почти разрядилась, зарядник остался в машине. Ладно, не важно.

Мы опять шли по лесу. Гельмут передал мне сумку и поводок, снова пристегнутый к ошейнику Джуди.

– Просто идите прямо и выйдете на лужайку, выберите нам место для пикника. Там и столики есть, – объяснил он и исчез в подлеске со своим рулоном туалетной бумаги.

Я потянула поводок, сказала: «Пойдем», и Джуди – без особого восторга, но мотивированнее, чем на прошлой остановке – побежала рядом со мной. Я подумала: *налаживается*. К тому, что мы увидели на лужайке, когда вышли из леса, однако, не были готовы мы обе. Шерсть на загривке Джуди инстинктивно встала дыбом, ноги выпрямились, и она зарычала. Я тоже застыла на месте. Перед нами на лужайке находились человек двадцать пожилых мужчин и женщин, и все они были – голыми.

Я стояла как вкопанная. Одна пожилая дама с рыжими волосами и очень морщинистой кожей помахала нам.

– Идите сюда, мы не кусаемся! – смеялась она.

Я механически пришла в движение, оглядываясь при этом, нет ли где поблизости Гельмута, но его не было. Я увидела, что совсем позади на лужайке стоял свободный деревянный стол с двумя скамьями, и направилась прямиком ту-

да. Повсюду вокруг меня болтались и покачивались семидесяти-восемидесятилетние груди, мошонки, ягодицы, и я старалась никуда не смотреть, чтобы не чувствовать себя извращенкой.

Джуди жалась ко мне: кажется, ее новая миссия теперь была – охранять меня. Я этим голым людям уже почти благодарна была за то, что образ врага «Паула» в голове Джуди сменился кодом врага «голые старики», и я, таким образом, поднялась в ее рейтинге симпатий. Может, еще подружками станем. Когда мы наконец добрались до стола, я выдохнула и начала распаковывать сумку с едой. Внезапно я почувствовала: кто-то тисками сжал меня за локоть.

– Отсюда надо уходить! – прошипел Гельмут мне в ухо. Вероятно, он вернулся со своего туалетного перерыва.

– Что?

– Быстро! Прямо сейчас! Я не собираюсь тут в оргиях участвовать.

Я огляделась. Не знаю, как Гельмут себе оргии представлял. Я видела лишь множество очень старых и очень нагих людей, и это не выглядело, как будто сейчас вакханалия начнется. Половина из них пользовалась различными вспомогательными приспособлениями для передвижения и встать без посторонней помощи была не в состоянии.

– Э-э, понятно, – только и сказала я в ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.